

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

С. Ф. НАЙДА

Выдающийся
русский флотоводец—
адмирал П. С. НАХИМОВ

Серия I
№ 71

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЗНАНИЕ“

МОСКВА

1952 г.

Цена 60 коп.

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Доктор исторических наук
генерал-майор
С. Ф. НАЙДА

Выдающийся русский флотоводец—
адмирал П. С. НАХИМОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва

★

1952 г.

Адмирал П. С. Нахимов

5 июля 1952 года исполняется 150 лет со дня рождения выдающегося русского флотоводца, горячего патриота России, героя Синопского боя и Севастопольской обороны Павла Степановича Нахимова. Советский народ, наследник и продолжатель славных традиций прошлого, свято чтит память об адмирале Нахимове, отдавшем всю свою жизнь возвеличению славы русского оружия. Имя Павла Степановича Нахимова неразрывно связано с рядом блестящих побед отечественного флота над врагами России. Своей неутомимой деятельностью на благо родины Нахимов далеко двинул вперед развитие русского военно-морского искусства.

Нахимов был передовым человеком своего времени. Он страстно ненавидел деспотический режим феодально-крепостнической России с его косностью и рутинной, горячо выступал в защиту человеческого достоинства матросов и солдат, глубоко любил свою родину и беззаветно служил ей. Все это делает имя адмирала Нахимова близким и дорогим советскому народу.

* * *

Павел Степанович Нахимов родился 23 июня (5 июля) 1802 года в имении Городок, села Волочек (ныне село Нахимовское), Вяземского уезда, Смоленской губернии, в семье мелкого дворянина. В 1815 году Нахимов поступил в Морской корпус. За отличные успехи в учебе в январе 1818 года он был произведен в унтер-офицеры, а в феврале этого же года окончил корпус в числе лучших воспитанников и был произведен в мичманы.

Хорошо поставленное обучение и воспитание в корпусе, а также большие способности Нахимова дали ему возможность получить отличное общее и специальное военно-морское образование. Уже во время учебы в корпусе у Нахимова ярко проявляется любовь к труду и постоянное стремление к пополнению своих знаний. Будучи в корпусе, Нахимов прошел и первую школу плавания. В плавание тогда нередко назначались передовые, высокообразованные моряки, воспитанники выдающихся русских адмиралов Ушакова и Сенявина. Зная и опыт

в морском деле, большая культура и прогрессивные взгляды таких офицеров оказали огромное влияние на всю последующую деятельность Нахимова.

Нахимов был в близких отношениях с передовой офицерской молодежью, которая после Отечественной войны 1812 года выступала с требованием преобразования феодально-крепостнического строя. Из среды, в которой вращался и к страстным спорам в которой жадно прислушивался будущий адмирал русского флота, впоследствии вышли многие декабристы. В общении с передовой офицерской молодежью формировались антикрепостнические взгляды Нахимова, ярко проявившиеся впоследствии в его системе обучения и воспитания подчиненных.

Службу Нахимов начал в Балтийском флоте. Затем в 1821 году он был направлен в Архангельск на вновь строящийся корабль, но вскоре был возвращен в Петербург, где получил назначение на 36-пушечный фрегат «Крейсер», готовившийся к отплытию в кругосветное путешествие. Фрегатом «Крейсер» командовал капитан 2-го ранга М. П. Лазарев, будущий адмирал и преобразователь Черноморского флота. Назначение это было очень кстати для молодого и талантливого Нахимова.

Находясь три года в кругосветном плавании, Нахимов расширил свои знания, приобрел большой практический опыт. Между Нахимовым, страстно полюбившим военно-морскую службу, и его учителем М. П. Лазаревым установилась с этих пор неразрывная дружба на всю жизнь. Эта дружба сыграла большую роль в формировании Нахимова как крупнейшего русского флотоводца.

Возвратившись в 1825 году из плавания уже лейтенантом, Нахимов после четырехмесячного отпуска был назначен на строящийся 74-пушечный корабль «Азов», куда несколько раньше был переведен и Лазарев в качестве командира корабля.

Энергичный, пытливый Нахимов во время постройки «Азова» приобрел большие познания в области кораблестроения, а также в вооружении и в создании боевой организации корабля. Эти знания позднее пригодились Нахимову, когда он возглавлял строительство корабля «Силистрия» и затем командовал эскадрой Черноморского флота.

В мае 1827 года «Азов» стал флагманским кораблем¹ эскадры, отправленной из Балтики в Средиземное море для участия в боевых действиях против турецкого флота². Началь-

¹ Флагманский корабль — корабль, на котором находится и держит свой флаг командующий флотом, эскадрой или другим соединением кораблей (флагман).

² В 1827 году состоялось совместное выступление Англии, Франции и России против Турции.

ником штаба эскадры и в то же время командиром флагманского корабля «Азов» был Лазарев.

Этот поход, а затем славные боевые действия русского флота в Наваринском сражении 8 октября 1827 года явились серьезной школой для Нахимова. В Наваринском сражении из всех кораблей соединенных эскадр союзников наиболее отличился «Азов». Исключительное мужество в этом бою проявил Нахимов, управлявший парусами и командовавший орудиями на баке. Он несколько раз, рискуя жизнью, тушил возникавшие на корабле пожары.

Наваринская победа прославила имя Лазарева, офицеров «Азова» и всю команду корабля. Офицеры и матросы «Азова» за проявленную в бою храбрость удостоились наград, а кораблю был присвоен георгиевский флаг. Нахимов за отличие и храбрость в Наваринском бою был произведен в капитан-лейтенанты и получил орден Георгия 4-й степени.

Нахимов тогда уже выделялся своими незаурядными военными способностями, храбростью, глубоким знанием военно-морского дела и большим практическим опытом, приобретенным под руководством Лазарева.

Производство в штаб-офицерский чин (капитан-лейтенант) давало право Нахимову получить в командование небольшой корабль (бриг или корвет¹). Лазарев, зная о достоинствах Нахимова, о его стремлении стать командиром корабля, вскоре добился желаемого для него назначения. В 1828 году Нахимов принял командование над захваченным у турок корветом, который в честь победы был назван «Наварин».

Командуя корветом «Наварин», Нахимов плавал в Средиземном море до 1830 года, затем пришел в Кронштадт и был со своим кораблем снова включен в отряд М. П. Лазарева. Вскоре Нахимов был награжден новым орденом. Корвет «Наварин» всегда отличался прекрасной боевой выучкой офицеров и матросов, образцовой дисциплиной, примерным поведением и необычайной для того времени дружбой всей команды. Высшим примером для всех и во всем был сам П. С. Нахимов.

В 1832 году Нахимов был назначен командиром строящегося фрегата «Паллада» и в короткий срок также сумел сделать его образцовым кораблем Балтики. Имя Нахимова как талантливого офицера становится широко известным. Популярность его еще более возросла после того, как он своим исключительно смелым поступком предотвратил гибель целой эскадры. Это произошло в августе 1833 года. Эскадра, в которую входил и фрегат «Паллада», находилась в плавании под командованием известного русского адмирала, ученого и исследователя Ф. Ф. Беллинсгаузена. Стояла исключительно бурная

¹ Корвет — трехмачтовый военный парусный корабль с вооружением до 30 пушек. Корветы применялись для разведывательных целей, а иногда участвовали и в крейсерских операциях.

и мрачная погода. «Паллада» шла в строю одной из кильватерных¹ колонн. Определить местонахождение эскадры в такую погоду было исключительно трудно, ибо ни звезд, ни маяков не было видно. Но вот на какой-то миг показался маяк. Этот момент и был использован Нахимовым и его офицерами. Нахимов быстро произвел расчеты. Они показали, что эскадра сбивлась с курса и идет на камни. В полночь Нахимов снова проверил свои расчеты и, когда еще раз убедился в правоте своих выводов об угрожающей опасности, рискнул пойти на дерзкое в его званні дело. Он решил дать сигнал командиру эскадры, что флот идет в опасном направлении.

Нахимов поднял сигнал «флот идет к опасности» и со своим кораблем вышел из строя колонны. Сигнал заметили. Адмирал стал проверять курс. Но пока он это делал, корабль «Арсис» уже попал на камни и начал подавать сигналы о бедствии. Остальные корабли сменили курс и тем самым избежали опасности. Смелость и находчивость Нахимова предотвратили гибель всей эскадры.

В январе 1834 года Нахимов был переведен по просьбе Лазарева на Черное море. В это время Лазарев являлся начальником штаба Черноморского флота.

С переводом на Черное море Нахимов получил в командование строившийся корабль «Силстрия» и одновременно был произведен в капитаны 2-го ранга. Корабль «Силстрия», построенный под руководством Нахимова, был одним из наиболее прочных и боеспособных кораблей Черноморского флота. И опять началась неугомонная работа по обучению и воспитанию матросов и офицеров корабля.

Напряженная и длительная работа без отдыха подорвала здоровье Нахимова. В начале 1838 года, по ходатайству Лазарева, Нахимова, тогда уже капитана 1-го ранга, освободили от службы и на казенные средства послали лечиться на воды в Германию. В Германии он пробыл до августа 1839 года и, не окончив курса лечения, вернулся на родину.

С 1840 по 1845 год Нахимов снова командовал «Силстрией». Он пользовался большим авторитетом. Сила его нравственного влияния на подчиненных была огромна.

В сентябре 1845 года Нахимов был произведен в контр-адмиралы и одновременно назначен командиром 1-й бригады 4-й флотской дивизии. В этой должности он прослужил шесть лет. За время своей службы в качестве командира 1-й бригады Нахимов находился со своими кораблями главным образом в крейсерстве у берегов Кавказа, оказывая поддержку русским войскам, боровшимся против националистических банд Шамиля.

¹ Кильватер — боевой или походный порядок, когда корабли идут друг за другом.

Вооруженную борьбу отрядов Шамиля усиленно поддерживала Англия. Она всеми мерами старалась вытеснить Россию с Кавказа и захватить этот богатейший район в свои руки. С этой целью многочисленные английские шпионы и контрабандисты, засылаемые на Кавказ, усиленно разжигали среди отсталых горских народов ненависть к России, подкупали вождей реакционного националистического движения, переправляли им вооружение и боеприпасы.

Черноморский флот вел в течение многих лет непрерывную борьбу с английской контрабандой, перевозил на Кавказ подкрепления, снабжал русские гарнизоны вооружением, боеприпасами и продовольствием и нередко поддерживал их огнем корабельной артиллерии в боевых стычках с бандами Шамиля. Постоянное участие в боевых действиях Черноморского флота против англичан, турок и горцев принимал Нахимов. Он всегда действовал против врагов России быстро и решительно. Так, например, в июле 1844 года Нахимов, находясь в плавании у кавказских берегов на корабле «Силстрия», по своей инициативе оказал помощь русскому форту Головинскому в отражении набега горцев. Десант в 150 человек, высаженный по приказанию Нахимова на берег, помог солдатам гарнизона отстоять форт. Командование Черноморского флота высоко оценило действия командира «Силстрии». В октябре 1852 года Нахимов производится в вице-адмиралы и назначается командующим эскадрой.

К началу Крымской войны (1853 г.) в послужном списке Нахимова значилось 39 лет службы во флоте.

В 1853 году стало очевидно, что Турция, поддерживаемая Англией и Францией, начнет войну против России. Французские и особенно английские капиталисты рассчитывали, используя Турцию, вытеснить Россию из бассейна Черного моря, лишить ее влияния на Балканах, народы которых тянулись к союзу с русским народом как своим старшим славянским братом, захватить Крым с главной базой русского Черноморского флота — Севастополем, отторгнуть от России Кавказ и превратить его в барьер, защищающий английские торговые пути в Индию, а затем прибрать к рукам Среднюю Азию, которая представлялась алчной английской буржуазии огромным колониальным рынком. Англо-французская буржуазия поставила своей целью лишить Россию на юге морских путей, связывавших ее с внешним миром, и установить в завоеванных областях жесточайший колониальный режим.

Турецкие войска начали сосредоточиваться вблизи русских границ в Карсе и Ардагане. В связи с этим необходимо было укрепить русскую армию на Кавказе.

В сентябре 1853 года была предпринята переброска войск из Севастополя на Кавказское побережье (Анакрия). Выполнение этой операции было поручено Нахимову. Черноморский

флот под его флагом совершает переход и производит высадку целой дивизии.

Переход из Севастополя в Анакрню корабли Черноморского флота совершили в 7 дней. Было перевезено 16 батальонов пехоты (16 393 человека), 2 легкие батареи, 824 лошади и различное военное имущество.

Эта операция, блестяще организованная Нахимовым, получила всеобщее признание. Нахимов был награжден орденом Владимира 2-й степени.

Таким образом, уже накануне Крымской войны Нахимов приобрел всеобщую известность во флоте.

* * *

В октябре 1853 года, вскоре после того, как была проведена операция по переброске войск, П. С. Нахимов был назначен командующим эскадрой судов Черноморского флота. Россия в это время фактически уже находилась в состоянии войны с Турцией.

14 сентября¹ 1853 года Турция объявила о разрыве дипломатических отношений с Россией. На стороне Турции выступили Англия и Франция. Верные своей политике загребать жар чужими руками, они всемерно провоцировали Турцию на войну с Россией. Англо-французский флот вошел через Дарданеллы в Мраморное море, а затем прибыл в Константинополь. Это был открытый вызов России.

Военные действия турок начались 11 октября нападением на корабли Дунайской флотилии в районе Галаца, а в ночь с 15 на 16 октября — на пост св. Николая на кавказской береговой линии.

Со стороны России манифест об объявлении войны Турции был подписан 20 октября 1853 года.

10 октября 1853 года Нахимов, готовясь к очередному выходу в море, издал приказ по эскадре, в котором требовал тщательных приготовлений на случай боя, давал практические указания, как произвести эти приготовления, как нести службу, как встретить в бою врага.

Утром 11 октября эскадра Нахимова вышла из Севастополя в море для несения крейсерской службы и поисков турецкого флота. Преодолевая сильные ветры, туманы, штормы и шквалы, характерные для Черного моря в октябре — ноябре, эскадра полтора месяца держалась в море в поисках флота противника, охраняя русское побережье.

Манифест об объявлении Россией войны Турции Нахимов получил в море 1 ноября. Из Севастополя манифест был доставлен ему пароходом «Бессарабия».

¹ Все даты даны по старому стилю.

3 ноября Нахимов передал на суда своей эскадры манифест об объявлении войны и с ним свой приказ, в котором он сообщал следующее: «Турецкий флот вышел в море в намерении занять принадлежащий нам порт Сухум-Кале (за поисками флота отправлен из Севастополя с 6 кораблями генерал-адъютант Корнилов). Намерение неприятеля не может иначе исполниться, как пройдя мимо нас или дав нам сражение. В первом случае я надеюсь на бдительный надзор гг. командиров и офицеров, во втором, с божиею помощью и уверенностью в своих командирах и офицерах и командах, я надеюсь с честью принять сражение и не допустить неприятеля исполнить свое дерзкое намерение».

В заключение приказа Нахимов писал: «Не распространяясь в наставлениях, я выскажу свою мысль, что, по моему, в морском деле близкое расстояние от неприятеля и взаимная помощь друг другу — есть лучшая тактика».

В тот же день Нахимов отдал еще один приказ, который не только дополнял выше приведенный, но и излагал с предельной ясностью тактические взгляды Нахимова, давая командам кораблей наставления к предстоящему сражению.

«Получив повеление начать военные действия против военных турецких судов, — писал Нахимов, — я считаю нужным предупредить командиров судов вверенного мне отряда, что в случае встречи с неприятелем, превышающим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает свое дело; но вместе с тем советую командирам при атаке неприятеля на близкой дистанции, после первых прицельных выстрелов, когда неприятель и мы покроемся дымом, палить горизонтально, для чего необходимо иметь на пушечных клиньях градусы, посредством которых при крене корабля орудия можно поставить в это положение».

Дальше шли подробные наставления и указания, как подготовить пушки и команды к сражению, как маневрировать в бою, как вести наблюдение и т. п.

В это время турецкое правительство, по указанию Англии и Франции, направило к Кавказскому побережью на помощь своим сухопутным войскам эскадру, которой командовал Осман-паша. Ввиду бушевавших в море штормов турецкая эскадра начала сосредоточиваться в Синопской бухте под сильной защитой береговой артиллерии.

Передвижение турецкого флота было во-время замечено русскими сторожевыми кораблями. План турок был разгадан.

4 ноября пароход «Бессарабия», посланный Нахимовым для разведки у берегов Турции, захватил турецкий транспортный пароход «Меджари Теджарет» и привел его к эскадре. Из опроса команды этого парохода Нахимов узнал, что в Синопе стоят два турецких фрегата, корвет и транспорт.

Начальник штаба Черноморского флота, ближайший спо-

движник Нахимов В. А. Корнилов с 28 октября также крейсировал в море в поисках флота противника. 5 ноября эти поиски увенчались успехом. Корнилов встретил и после короткого боя захватил турецкий (египетский) военный пароход «Перваз Бахри», следовавший из Синопа. Узнав из опроса пленных, что в Синопе находится часть турецкого флота, Корнилов отдал приказание контр-адмиралу Новосильскому идти со своей эскадрой в распоряжение Нахимова, продолжавшего находиться в море. 7 ноября Нахимов встретился с Новосильским и взял из его эскадры более крепкие, с сильной артиллерией корабли «Ростислав», «Святослав» и бриг «Эней». Новосильскому же он передал более слабые суда: корабль «Иегудиил» и бриг «Язон».

11 ноября Нахимов подошел на 2 мили к Синопской бухте. Сведения о стоянке турецкой эскадры в Синопе полностью подтвердились. Нахимов установил, что у турок явное превосходство в силах. У Нахимова в это время было только 3 корабля — «Императрица Мария», «Чесма», «Ростислав» — и бриг «Эней». Но, несмотря на это, Нахимов блокировал Синопский порт и стал дожидаться прибытия подкреплений из Севастополя с тем, чтобы дать сражение.

Рано утром 12 ноября Нахимов послал с бригом «Эней» донесение командиру Севастопольского порта. В нем он писал: «Обозревши сего числа в самом близком расстоянии порт Синоп, я нашел там не два фрегата, корвет и транспорт, как доносил вашему превосходительству, а 7 фрегатов, 2 корвета, 1 шлюп и 2 большие парохода, стоящие на рейде под прикрытием береговых батарей. Предполагая, что есть какая-нибудь цель у неприятеля, чтобы собрать такой отряд военных кораблей в Синопе, я останусь здесь в крейсерстве и буду их блокировать до прибытия ко мне двух кораблей, отправленных мною в Севастополь для исправления повреждений; тогда, несмотря на вновь устроенные батареи, кроме тех, которые показаны на карте Манганари, я не задумаюсь их атаковать».

В этом же донесении Нахимов просил командира порта скорее прислать к нему два корабля его отряда и фрегат «Кулевчи», кроме того, если возможно, усилить эскадру новым 100-пушечным кораблем и пароходами. Вместе с тем он сообщал, что, по полученным им от моряков греческого корабля сведениям, английский и французский флоты стоят в Босфоре и заготавливают в Турции провизию. К донесению Нахимов приложил план расположения неприятельских кораблей в Синопе, составленный по его приказанию.

Однако, пока бриг «Эней» находился в пути, в Севастополе уже были приняты меры по оказанию помощи Нахимову. Еще по получении первого известия от Нахимова с кораблями, отправленными в Севастополь для ремонта, в распоряжение Нахимова 12 ноября направили эскадру Новосильского, со-

стоявшую из кораблей «Париж», «Три святителя» и «Константин». Новосильский прибыл к Нахимову 16 ноября. В тот же день пришли и фрегаты «Кагул» и «Кулевчи». Теперь перевес сил был на стороне русской эскадры (372 орудия с одного борта против 286 турецких, считая и орудия береговых батарей), к тому же русская эскадра имела 76 бомбических орудий (против двух турецких), умелое использование которых в значительной мере и обеспечило успешный исход Синопского боя.

Второе донесение, посланное Нахимовым с бригом «Эней», было получено в Севастополе 16 ноября. Просьба Нахимова была удовлетворена, и 17 ноября к Синопу из Севастополя вышел вице-адмирал Корнилов с тремя боевыми пароходами — «Одесса», «Крым» и «Херсонес».

Но Нахимов, получив 16 ноября подкрепление из эскадры Новосильского, считал себя настолько уже сильным, что, не дожидаясь прибытия пароходов, решил немедленно атаковать противника. Готовясь к сражению, Нахимов 17 ноября созвал на флагманском корабле «Императрица Мария» совет командиров кораблей. Он разъяснил на совете намеченный им план боя и дал подробные инструкции к действию.

В тот же день появился приказ Нахимова. В нем были даны указания о подходе к противнику, изложена диспозиция, четко поставлены задачи каждому кораблю, предусмотрено возможное поведение противника в предстоящем сражении и учтены все подробности боя. Понимая, что в ходе сражения может сложиться и иная обстановка, чем та, которая им предположена, Нахимов писал в приказе: «Все предварительные наставления, при переменявшихся обстоятельствах, могут затруднить командира, знающего свое дело, и потому я представляю каждому совершенно независимо действовать по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг... Россия ожидает славных подвигов от Черноморского флота; от нас зависит оправдать эти ожидания».

С получением приказа на кораблях начали готовиться к сражению. Ночь с 17 на 18 ноября была дождливой, море — бурным. Лишь около 9 часов утра 18 ноября ветер стал стихать, начало проясняться. В 9 часов утра по сигналу флагманского корабля с эскадры стали спускать гребные суда, чтобы сохранить их от возможного повреждения в бою и освободить корабли от лишнего груза.

В 9 часов 30 минут на флагманском корабле взвился сигнал: «Приготовиться к бою и идти на Синопский рейд». Быстро эскадра снялась с якоря и с поднятыми национальными флагами устремилась на противника. На ходу по сигналу Нахимова эскадра построилась в две колонны. Строй двух колонн, установленный Нахимовым, был весьма разумным в тактическом отношении. Он вдвое сокращал пребывание эскадры под огнем противника при входе кораблей на Синопский рейд и ускорял

развертывание эскадры к бою по намеченной диспозиции. Это обеспечивало быстрый натиск на противника и меньшие потери от вражеского огня. Маневр этот блестяще удался.

В первой колонне шли 3 корабля — 84-пушечные корабли «Императрица Мария» (флагман), «Чесма» и 120-пушечный корабль «Константин»; во второй — тоже 3 корабля: 120-пушечный корабль «Париж» (командиром которого был капитан 1-го ранга Истомин, будущий герой обороны Севастополя), 120-пушечный корабль «Три святителя» и 84-пушечный корабль «Ростислав». Фрегаты «Кагул», имевший 44 пушки, и «Кулевчи», имевший 52 пушки, остались по указанию Нахимова охранять выход из Синопской бухты, чтобы воспрепятствовать возможному бегству во время боя турецких пароходов.

Около полудня эскадра подошла к входу в бухту. Все ждали сигнала с флагманского корабля. Прошло немного времени, пробила одна склянка. В это время с турецкого корабля раздался первый пушечный выстрел, и вслед за ним началось знаменитое Синопское сражение.

Флагманский корабль Нахимова «Императрица Мария», отстреливаясь от кораблей противника, неуклонно шел вперед и отдал якорь лишь тогда, когда достиг своей цели — флагманского корабля турок «Ауни Аллах». Он зажег корабль противника и заставил его выброситься на берег, а затем уничтожил также турецкий фрегат «Фазли Аллах». Несмотря на то, что в бою флагманский корабль «Императрица Мария» получил 60 пробоин и другие повреждения, он повернул для оказания помощи второй колонне кораблей. Нахимов хладнокровно руководил боем. Спокойствие и выдержка командующего эскадрой придавали всем уверенность в победе.

Корабль «Константин» на подходе к указанному по диспозиции месту был осыпан градом ядер, кинпелей¹ и картечи. Однако он упорно продвигался вперед и стал на якорь для боя вскоре после флагманского корабля. Батальным огнем правого борта по турецкой батарее и двум фрегатам он вначале взорвал один фрегат и огнем своих пушек на время заставил замолчать береговую батарею, затем открыл губительный огонь по другому турецкому фрегату и корвету. Вскоре фрегат и корвет были подбиты и выбросились на берег. Корабль «Чесма» после победы над турецким фрегатом метко громил береговые батареи.

Корабль «Париж», на котором был второй флагман — контр-адмирал Новосильский, точно по диспозиции стал на якорь и метким огнем своих пушек потопил три турецких судна, а затем повел уничтожающий огонь по береговой батарее.

¹ Кинпель — артиллерийский снаряд, состоявший из двух чугунных цилиндров, ядер или полужер, насаженных на концах железного четырехгранного стержня. Применялся для уничтожения или повреждения мачт, парусов и снастей на кораблях противника.

Действия корабля «Париж» получили особое одобрение Нахимова. Корабль «Три святителя», несмотря на сильные повреждения, огнем своих пушек заставил фрегат противника выброситься на берег и до конца боя продолжал вести огонь. Корабль «Ростислав» огнем своих пушек потопил корвет и уничтожил батарею.

Русские моряки дрались с врагом самоотверженно, с необыкновенным упорством, тушили пожары, тут же становились на место убитых и раненых. На «Константине» в разгар боя разорвавшейся бомбой была разбита палуба и начался пожар. Быстро распространявшийся огонь угрожал взрывом крьюйт-камеры (место, где хранится порох). Мичман Колокольцев, пренебрегая опасностью, наглухо закрыв двери и люки крьюйт-камеры, с хладнокровием потушил огонь и спас этим корабль от взрыва.

К 5 часам вечера 18 ноября 1853 года битва завершилась полным уничтожением турецкой эскадры и всей береговой обороны противника. Только один пароход противника — «Танф» под командованием английского офицера, пользуясь своим превосходством в скорости против фрегатов «Кагул» и «Кулевчи», бросил турок и бежал в Константинополь.

В Синопском сражении было уничтожено 13 боевых неприятельских кораблей и 4 купеческих, убито до 3 тысяч турок и много взято в плен. В числе захваченных в плен оказался и начальник турецкой эскадры вице-адмирал Осман-паша вместе с командирами некоторых кораблей.

Русская эскадра не потеряла ни одного корабля. Потери в людях составили: убитыми 38 человек, ранеными и контуженными 235 человек.

Синопский бой был проведен русскими моряками в точном соответствии с диспозицией, намеченной Нахимовым. В бою полностью оправдались указания Нахимова на необходимость инициативы и взаимопомощи командиров кораблей. Офицеры и матросы отважно сражались, искусно управляли в бою кораблями, метко стреляли по противнику. Они проявили великое бесстрашие и отличное мастерство. Это были результаты нахимовского обучения и воспитания моряков.

Черноморские моряки оправдали надежды своего адмирала, выраженные в его приказе накануне боя. Россия недаром ждала славных подвигов от Черноморского флота.

19 ноября весь день производились исправления поврежденных кораблей. Через 36 часов напряженной работы эскадра была уже готова выйти в обратное плавание.

Утром 20 ноября корабли начали сниматься с якоря и 22 ноября прибыли в Севастополь, совершив трудный переход в бурную погоду. Героям Синопской битвы была устроена восторженная встреча. Радостная весть о победе Нахимова над турками скоро разнеслась по всей России и широко стала

известна во всем мире. Все иностранные газеты вынуждены были признать выдающийся успех русского флота, его высокие боевые качества. Русское оружие было увенчано еще одной блистательной победой. Имя Павла Степановича Нахимова, организатора разгрома турецкого флота, стало одним из популярнейших имен в России.

Вице-адмирал Корнилов в письме от 22 ноября 1853 года восторженно отзывался о своем друге Нахимове, а сражение оценил так: «Битва славная, выше Чесмы и Наварина... Ура, Нахимов! М. П. Лазарев радуется своему ученику!»

Корнилов также подчеркивал, что переход Нахимова в бурную погоду с поврежденными кораблями из Синопа в Севастополь — это вторая его победа.

В приказе по прибытии в Севастополь Нахимов писал:

«Я хочу лично поздравить командиров, офицеров и команды с победой и благодарить их за благородное содействие моим предположениям и объявить, что с такими подчиненными я с гордостью встречу с любым неприятельским европейским флотом».

Это был ответ и предупреждение Англии и Франции, которые стремились развязать войну между Россией и Турцией ради своих грязных, захватнических целей, заняв по отношению к России после поражения турок в Синопском бою резко враждебную позицию.

Синопское сражение, которое было последним сражением парусных флотов, показало полное превосходство русского военно-морского искусства над искусством не только турецкого, но и английского флота. Английские офицеры флота, принимавшие участие в Синопском бою, не смогли ничего противопоставить русской наступательной тактике. В Синопе впервые в мире русский флот успешно применил бомбические орудия. Сила и точность огня русской артиллерии в сочетании с отличной боевой выучкой личного состава и умелым руководством сражением со стороны Нахимова предопределили поражение турецкого флота. Синопская победа сорвала англо-турецкий план захвата Закавказья. Она показала, что русский флот, воспитанный М. П. Лазаревым и П. С. Нахимовым, по своим боевым качествам является одним из самых сильных флотов мира. Разгром турецкого флота был ярким свидетельством того, что русские моряки обладают высокой выучкой, исключительной храбростью, что они готовы в любых условиях до конца исполнить свой долг перед Родиной.

Как и следовало ожидать, успех Синопского боя ускорил разрыв дипломатических отношений Англии и Франции с Россией, опасавшихся усиления могущества последней. Когда после Синопской победы политика ведения войны чужими руками провалилась, стоявший наготове в Босфоре англо-французский флот получил приказ выйти в море, что и было

им осуществлено 22 декабря 1853 года. В тот же день англо-французское командование направило в Севастополь письмо, в котором русское командование извещалось, что союзные флоты вошли в Черное море, чтобы защитить Турцию.

В английском парламенте начались дебаты в связи с победой русских при Синопе. Английская и французская пресса открыла неистовую кампанию против России, стремясь оправдать открытие военных действий против русских.

Хотя до апреля 1854 года разрыв дипломатических отношений формально не был объявлен, фактически уже с декабря 1853 года Россия находилась в состоянии войны с Англией и Францией.

Для Корнилова и Нахимова стало ясно, что Англия и Франция попытаются перенести главный театр военных действий в Крым, чтобы прежде всего уничтожить Черноморский флот, захватить и разрушить его базу — Севастополь.

Корнилов передал это мнение главнокомандующему армией и флотом князю Меншикову. Он просил его отдать распоряжение приступить к работам по укреплению Севастополя и принять необходимые меры предосторожности на случай десанта.

Но князь Меншиков, угодливо поддерживая мнение Николая I в том, что противник не решится на высадку десанта, не считал нужным создавать в Севастополе мощную оборону. Как видно из воспоминаний современников, не очень волновала князя и судьба флота. Меншиков никогда не был крупным военачальником, руководителем флота он стал случайно. После разгрома декабристов Николай I искал для себя верных помощников. Одним из таких людей и оказался Меншиков, который поверхностно был знаком с флотом. И этого оказалось достаточно для того, чтобы царь назначил его в 1826 году начальником главного морского штаба.

Когда в 1853 году начались военные события, в которых Черноморскому флоту отводилась большая роль, князь Меншиков был назначен главнокомандующим армией, находившейся в Крыму, а в оперативном отношении он же был и руководителем флота. Став во главе крымской армии и Черноморского флота, Меншиков во всем оставался таким же ловким царедворцем, каким он был до этого в Петербурге при дворе. Царь же во всем ему доверял. На поступавшие в Петербург разные неблагоприятные сведения о Меншикове Николай I смотрел сквозь пальцы, считая их поклепами на князя из зависти.

При такой обстановке трудно было воздействовать на главнокомандующего. По своему положению Нахимов и Корнилов могли лишь предложить те или другие мероприятия. Только крайние обстоятельства кануна Крымской войны заставили Корнилова от своего имени и от имени Нахимова и других моряков выступить перед князем с настойчивыми требованиями

обратить внимание на судьбу Севастополя, Черноморского флота и Крыма. И только под давлением неоспоримых доказательств угрозы войны с Францией и Англией Меншиков дал согласие на проведение некоторых мер по усилению охраны побережья и укреплению Севастополя.

28 декабря 1853 года главнокомандующий издал приказ о разделении обороны Севастополя на участки. На начальника штаба Черноморского флота вице-адмирала Корнилова он возложил заботы о гаванях, на командующего эскадрой вице-адмирала Нахимова — оборону города с моря и суши.

Корнилов и Нахимов не стали терять времени. Они привели флот в боевую готовность, начали подготовительные работы по обороне Севастополя. В Севастополе и на важных участках Крымского побережья был установлен световой телеграф, по сторожевым пунктам побережья для наблюдения и связи усилены казачьи пикеты, затемнены маяки и сняты ограждения фарватеров.

11 апреля 1854 года был объявлен манифест о разрыве дипломатических отношений с Англией и Францией. Дипломатические препирательства кончились, и война с крупнейшими европейскими державами стала фактом. Вскоре началась и боевая разведка англо-французского флота, базировавшегося на Варну, Константинополь и другие турецкие порты.

Флот Англии и Франции производил нападения на невооруженные рыболовецкие и торговые суда, грабил их, подвергал варварским обстрелам мирные города и селения русского Черноморского побережья. Так, например, в апреле 1854 года более 30 кораблей англо-французского флота подвергло ожесточенной бомбардировке Одессу. Одновременно вражеский флот вел тщательную разведку русских сил в Крыму и на всем Черноморском побережье. Пиратские действия англо-французский флот совершал также в Балтийском и Белом морях и у дальневосточных берегов.

Впервые флот противника появился на виду у Севастополя 15 апреля 1854 года. Но это была пока только разведка и демонстрация сил союзников. Что же касается положения русского флота, то последний в связи с появлением в Черном море огромного флота союзников, в составе которого были не только парусные, но и много паровых кораблей, от активных боевых действий воздерживался. Такая тактика, как оказалось впоследствии, была вполне оправданной. Командование Черноморского флота, при общем недостатке русских сил в Крыму, сохраняло флот для решающих боев.

Разрыв дипломатических отношений с Англией и Францией и демонстративное появление их флотов у побережья Крыма заставили руководителей Черноморского флота и крепости усилить оборонительные работы в Севастополе. Однако дело подвигалось пока далеко не так успешно, как того требовала

обстановка. Чувствовался острый недостаток в инструментах, строительных материалах, а главное — в дело создания обороны пока еще не были вовлечены все офицеры, матросы, солдаты и население города.

Время же не ждало, грозные события приближались. 14 июля 1854 года флот противника снова появился у берегов Крыма, а затем начал крейсировать вблизи Севастополя.

1 сентября 1854 года около десяти часов утра были замечены два корабля противника и за ними на горизонте — густой дым. Вскоре были получены дополнительные сведения о том, что в направлении к Евпатории обнаружено до 70 кораблей и пароходов. К вечеру было установлено, что к берегам Крыма движется больше сотни кораблей и пароходов. Как оказалось в действительности, к берегам Крыма прибыла целая армада в составе 34 линейных кораблей, 55 фрегатов, до 300 транспортов и других военных кораблей, на которых было до 60 тысяч войск. Около 9 часов вечера у Евпатории суда противника стали на якорь.

Высадка десанта началась 2 сентября и закончилась к 6 сентября. С первого же момента противник захватил Евпаторию. За четыре дня было высажено 62 223 человека с вооружением и боеприпасами. Французов было 28 223 человека с 92 полевыми орудиями, англичан 27 тысяч с 54 полевыми орудиями и турок 7 тысяч с 21 орудием.

Меншиков с получением известия о начале высадки вражеского десанта отдал приказание все имеющиеся силы сосредоточить в направлении к Евпатории, на реке Альме. Оборону Севастополя он возложил на флот и резервные батальоны 13-й пехотной дивизии.

Сосредоточение сил обеих сторон было завершено 7 сентября. На оборонительных позициях русской армии находилось 42 батальона пехоты, 16 эскадронов конницы с 84 полевыми орудиями. Всего же русские войска составляли немногим больше 30 тысяч человек. Противник имел больше 62 тысяч человек. На стороне противника было также огромное численное превосходство в технике.

Англо-франко-турецкая армия начала наступление 8 сентября в половине двенадцатого. К часу дня на всем фронте разгорелось жестокое сражение. В самом начале боя обнаружилась непродуманность главнокомандующим плана сражения, оказались непредвиденными и размеры его. Накануне сражения из лагеря русской армии были отправлены в тыл, на реку Качу, не только обозы с запасами боеприпасов, но и значительная часть фур, предназначенных для перевозки раненых; с ними были отправлены в тыл и многие медицинские работники.

Русские солдаты и офицеры сражались, как львы, русская артиллерия в упор громила врага, но у нее было мало сна-

рядов, к тому же запасы были увезены на сравнительно большое расстояние. Сразу обнаружилась огромная нехватка санитарных средств. Раненых не успевали подбирать на поле боя, подобранным же раненым нечем было оказать существенную помощь.

Диспозиция была составлена так, что некоторые полки, попав под губительный огонь противника с моря и суши, несли огромные потери, не принося успеха на нужных участках. Так, например, Минский полк, поставленный у берега, почти весь был уничтожен огнем корабельной артиллерии противника. Выгодные для обороны высоты в ряде мест не были заняты русскими войсками, что дало возможность противнику легко захватить их и использовать эти удобные позиции в своих целях.

Если бы не железное упорство в бою и храбрость русских солдат и офицеров, то нет сомнений, что последствия сражения на Альме для русской армии были бы более тяжелыми. Только невиданный героизм солдат и распорядительность офицеров дали возможность нанести противнику сильнейший урон.

В результате четырехчасового сражения, в котором русские войска с исключительной храбростью сдерживали противника, союзники потеряли до 5500 человек. Союзники получили возможность убедиться в том, что русская армия по своей храбрости и стойкости является сильнейшей армией в Европе.

В Севастополе о проигранном сражении и об отступлении армии стало известно в тот же день вечером. В связи с создавшейся угрозой флоту и Севастополю Корнилов еще утром 9 сентября, когда армия сосредоточивалась у Бельбека, собрал военный совет. Он объявил о проигранном сражении, об отступлении русской армии и, делая вывод из сложившейся угрожающей для флота и города обстановки, предложил стойко оборонять город и стоять в борьбе насмерть до последнего человека.

Большинство участников совещания считало возможным затопить часть кораблей у входа на рейд и этим преградить доступ флоту противника в Севастопольский порт, использовать корабельную артиллерию с затопленных судов для установки береговых батарей и, опираясь на остающуюся часть флота (большой частью на новые корабли и пароходы), а также на береговые укрепления, продолжать сухопутную оборону с тем, чтобы любой ценой сохранить в своих руках Севастополь.

10 сентября были затоплены у входа на рейд корабли: «Три святителя», «Уриил», «Селафайл», «Варна», «Силистрия» и фрегаты «Флора» и «Сизополь». Десять новых мощных кораблей были расположены на позиции вдоль южного берега рейда в районе от Артиллерийской бухты до Килебалоной. Корабли получили задачу, в случае наступления неприятеля

на Северную сторону, поддержать свои войска артиллерийским огнем. Остальные корабли и пароходы были размещены в бухте с таким расчетом, чтобы можно было использовать их в обороне города с суши и с моря.

Моряки с затопленных кораблей и часть экипажа с уцелевших кораблей были направлены на пополнение сухопутных сил гарнизона. На уцелевших кораблях оставалась только артиллерийская прислуга и та часть личного состава, которая была необходима для сохранения боеспособности и живучести кораблей.

9, 10 и 11 сентября было сформировано 12 морских батальонов, а всего к этому времени насчитывалось 17 морских батальонов.

Положение Севастополя с каждым днем становилось все более тяжелым. 12 сентября к концу дня противник уже подошел к Бельбеку; с северных укреплений были уже видны его бивуаки. Положение осложнилось еще тем, что русская армия по приказанию князя Меншикова стала отходить от Севастополя к Бахчисараю.

12 сентября Меншиков поручил командование войсками, оставляемыми в городе, бездарному генерал-лейтенанту Моллеру, оборону Северной стороны возложил на вице-адмирала Корнилова, а руководство командами оставшихся кораблей и всем оборонительным Южным районом — на вице-адмирала Нахимова.

Уход из Севастополя главных сил поставил севастопольский гарнизон и флот в еще более тяжелое положение, чем в первые дни после отступления армии с альминских позиций. Весь гарнизон в это время состоял из 17 батальонов моряков, 8 батальонов резервной бригады, 13-й пехотной дивизии и одного саперного батальона. Общая численность русских войск доходила до 16 500 солдат и матросов и 416 офицеров.

Севастопольскому гарнизону противостояли теперь более чем 60-тысячная хорошо вооруженная армия противника и его огромный флот. Противник находился уже в 5 верстах от города. Северной стороне угрожала наибольшая опасность: против нее были сконцентрированы главные силы противника, она была наиболее слабо укреплена. Правда, к этому времени (со 2 по 13 сентября) моряки построили на Северной стороне 4 мощные батареи, прорыли траншеи и построили ряд других укреплений. Однако в целом оборонительная линия была еще далеко недостаточной для того, чтобы сдержать натиск огромной массы войск противника, если бы они предприняли наступление.

14 сентября Нахимов издал следующий приказ: «Неприятель подступает к городу, в котором весьма мало гарнизона; я в необходимости нахожусь затопить суда вверенной мне эскадры, а оставшиеся на них команды с абордажным ору-

жнем присоединить к гарнизону. Я уверен в командирах, офицерах и командах, что каждый из них будет драться, как герой; нас соберется до 3 тысяч; сборный пункт на Театральной площади. О чем по эскадре объявляю».

Вслед за изданием приказа Нахимов сформировал из моряков два новых сводных батальона и приказал свезти с кораблей и вывезти со складов часть орудий; они были установлены на вновь сооружаемых укреплениях.

Нахимов в эти дни лично руководил установкой орудий. Он подбирал на батареи наиболее опытных офицеров и матросов, распределял боеприпасы и, постоянно находясь на самых ответственных участках строительства оборонительных рубежей, воодушевлял людей на трудную, но крайне необходимую работу по защите города.

Корнилов в свою очередь принимал самое деятельное участие в укреплении Северной стороны и в подготовке города к обороне.

В эти исключительно тяжелые для Севастополя дни на постройке оборонительных рубежей день и ночь работали не только матросы и солдаты, не только все офицеры морских и армейских батальонов, но поголовно все жители города, в том числе женщины и дети. В Севастополе не хватало железных лопат и ломов. Стали подрывать скалы и из обломков их строить заграждения. Все, что только могло быть применено в сооружении оборонительных рубежей, было пущено в дело.

Нахимов и Корнилов ожидали, что противник предпримет наступление на Северную сторону, против которой были сконцентрированы его главные силы. Однако к счастью защитников Севастополя их опасения не оправдались: союзники решили наступать на Южную сторону.

Евпатория, куда в сентябре высадился десант союзников, с ее открытым рейдом, особенно с наступлением осенних непогод, оказалась чрезвычайно ненадежным пунктом стоянки громадного военного и транспортного флота. Последний требовал особенно благоприятных условий для высадки подводных подкреплений и выгрузки всевозможного имущества, необходимого 60-тысячной армии. Отсутствие каких-либо других пунктов базирования на западном побережье Крыма вынудило союзное командование искать их на юге. Таковыми были признаны Камышевая бухта (для французов) и Балаклава (для англичан). Поскольку обе бухты находились по южную сторону Севастополя, командование сухопутными войсками вынуждено было избрать объектом нападения южный фронт города, тем более, что в случае захвата Севастополя с этой стороны в руки противника попадали адмиралтейство, верфи, доки, то есть вся база флота.

Как выяснилось значительно позже, союзники отклонили мысль о наступлении на Северную сторону еще и потому, что

предполагали наличие на ней мощных укреплений, брать которые без достаточной поддержки корабельной артиллерии, при наличии мощных береговых батарей русских на побережье, казалось им рискованным.

13 сентября началось передвижение войск противника в направлении к Южной стороне; союзники оттягивали войска от Бельбека в направлении к хутору Мекензи. 14 сентября это передвижение стало еще более заметно, и, наконец, 15 сентября после занятия противником Балаклавы уже не было никаких сомнений, что противник направляет главного удара непосредственно на Южную сторону.

Между тем русская армия продолжала отходить от Севастополя. Утром 13 сентября она находилась в 15 верстах от северных укреплений. 14 сентября армия отошла на Качу, где временно остановилась в ожидании подхода подкреплений и подвоза продовольствия и боеприпасов из Симферополя с тем, чтобы отойти затем дальше в глубь Крыма.

Следует признать, что отход русской армии к Бахчисараю имел своим положительным результатом лишение союзников возможности перерезать коммуникации, связывавшие Крым и Севастополь с севером. Однако, делая этот правильный маневр, Меншиков недооценивал той роли, которую предстояло сыграть в скором времени Севастополю. После сражения на реке Альме он считал Севастополь обреченным на капитуляцию. Исходя из этого, Меншиков не считал нужным при отводе армии к Бахчисараю подкрепить силами крайне малочисленный гарнизон Севастополя.

Отступая с армией, Меншиков даже не назначал в Севастополе главного начальника обороны.

Отсутствие единого командования осложняло и без того крайне тяжелое положение защитников Севастополя. Обстановка требовала немедленно покончить с этим беспорядком, учиненным нераспорядительностью Меншикова.

Нахимов, верный своим принципам ни с чем не считаться в интересах родины, нашел в себе мужество нарушить николаевские порядки военной субординации и выступить против неспособного Моллера в пользу Корнилова. На состоявшемся 13 сентября военном совете Нахимов с присущей ему прямотой и искренностью заявил, что Моллер не способен быть руководителем обороны и предложил на пост главного начальника обороны города Корнилова, причем он добавил, что с радостью будет подчиняться младшему по сроку службы Корнилову.

Демонстративное заявление Нахимова на военном совете о том, что он признает над собой начальником Корнилова, вынудило генерала Моллера в свою очередь издать приказ, в котором он объявил, что Корнилов назначается начальником штаба обороны. Генерал Моллер, зная, что его не любят не

только моряки, но и его же подчиненные офицеры, не говоря уже о солдатах, должен был пойти на эту уступку.

Так было образовано единое командование. Фактическим начальником гарнизона стал Корнилов. Позже, под нажимом Нахимова, генерал Моллер был отозван Меншиковым из Севастополя, а затем и вовсе откомандирован из армии. Нахимов и Корнилов развили кипучую энергию по укреплению обороны города.

Убедившись в том, что союзники решили перенести главные действия на Южную сторону, руководители обороны в свою очередь приняли контрмеры. Нахимов вывел из Южной бухты ряд кораблей и расставил их так искусно, что корабельная артиллерия сыграла потом огромную роль в отражении бомбардировок и штурмов противника.

Кроме того Нахимов обратил большее внимание на усиление работ по возведению укреплений на Южной стороне. Корнилов в свою очередь перевел с Северной стороны на Южную сторону 11 морских батальонов и бросил их на помощь Нахимову по сооружению оборонительных рубежей.

По указанию Нахимова оборона строилась по принципу глубокого эшелонирования. Он лично занимался организацией системы артиллерийского огня, определял участки, которые следовало укрепить живой силой, артиллерией и инженерными сооружениями. Все это впоследствии сыграло важнейшую роль в отражении ожесточенного натиска англо-французских и турецких войск.

Сказочно быстро росли укрепления, рос и моральный дух защитников города. Гарнизон готовился к отражению штурма.

Обстановка 15 и 16 сентября в осажденном Севастополе была крайне напряженной. Защитники города не имели никакой связи с крымской армией. 17 сентября были получены первые сведения о том, что русская армия вновь приближается к Севастополю. Вечером этого дня авангард русской армии подошел к Инкерманскому спуску и установил связь с Северной стороной. Наконец, 18 сентября, в середине дня, к величайшей радости защитников Севастополя, на Бельбекских высотах показались главные силы.

Противник в это время заканчивал сосредоточение сил на Южной стороне и начал производить отдельные вылазки.

Первая артиллерийская перестрелка завязалась еще 11 сентября. И с этого времени она изо дня в день все более и более усиливалась.

Продвижение русской армии к Севастополю ободрило защитников города. По настоятельной просьбе Нахимова и Корнилова Меншиков дал согласие на подкрепление гарнизона. 19 сентября в состав гарнизона были влиты Московский и Бородинский полки, 3-й батальон Тарутинского полка, легкая батарея и сотня казаков — всего до 9 тысяч штыков. В то же время

усилилась и крымская армия, в которую прибыли Бутырский пехотный полк, резервные батальоны Волынского и Минского полков, резервный линейный Черноморский батальон, две сотни казаков и несколько батарей.

20 сентября, по инициативе Корнилова, оборонительная линия для лучшего руководства ею была разделена на четыре сектора: 1-й сектор — от моря до редута № 1 — был вверен генерал-майору Аслановичу; 2-й сектор — от редута № 1 до Грибка включительно — вице-адмиралу Новосильскому; 3-й сектор — от батарей на Пересыпи до Докового оврага — контр-адмиралу Панфилову; 4-й — от Докового берега до рейда — контр-адмиралу Истомину.

Силы гарнизона к этому времени составляли уже около 24 тысяч человек, не считая команд, оставшихся на кораблях.

Все эти дни Нахимов попрежнему неутомимо продолжал руководить работой по укреплению оборонительных рубежей. Он ежедневно по несколько раз объезжал самые опасные участки обороны. Добрым словом, советом, а где и строгим требованием наводил он порядок на бастионах, подавал пример храбрости в бою с врагом, показывал, как лучше наводить орудия, чтобы без промаха поражать противника. Благодаря его неутомимой энергии налажено было питание защитников города из запасов продовольствия Морского ведомства, организованы госпитали и доставка в них раненых.

Не терпя ни малейшего беспорядка, а тем более канцелярской волокиты, Нахимов в интересах защиты города ломал все те правила и инструкции, которые тормозили дело обороны. Он устранял с постов чиновников-бюрократов, распределял по своему усмотрению запасы имущества и продовольствия не только для морских частей, но и для армии, заменял негодных офицеров, назначал и продвигал по службе самых смелых и способных, заводил на бастионах, люнетах и других укреплениях флотские порядки.

Он действовал так, как диктовали ему чувство долга, знания и опыт.

Нахимова горячо поддерживали его друг и соратник Корнилов, офицеры, матросы и солдаты. По примеру Нахимова они в свою очередь делали все возможное и даже невозможное в укреплении обороны и непосредственно в боях.

В конце сентября стало ясно, что противник готовится к бомбардировке города, флота и укреплений. План союзников состоял в том, чтобы многодневной мощной бомбардировкой уничтожить все укрепления, потопить флот, а затем решительным штурмом овладеть городом и портом. Перспектива длительной войны приводила в бешенство англо-французское командование.

5 октября началась долго подготавливавшаяся бомбардировка Севастополя. Бомбардировку с суши союзники начали на рас-

свете, а с моря — около полудня. По воспоминаниям участников обороны Севастополя, город в этот день напоминал сплошное море огня. Один только флот союзников выпустил по городу до 150 тысяч снарядов.

Однако, как ни рвался враг к городу, славные защитники Севастополя артиллерийским и ружейным огнем, штыковыми контратаками отбивали бешеный натиск противника. Невиданный героизм, стойкость и упорство защитников города вынудили союзников отказаться от первоначального плана захватить Севастополь штурмом. Отныне враг вынужден был перейти к длительной осаде.

Решение союзников о перенесении направления главного удара с Северной стороны на Южную, как и отказ от немедленного штурма, дали гарнизону возможность организовать мощную оборону Севастополя, пополнить свои силы, установить связь с армией.

Успешное отражение первого генерального наступления вражеских войск еще выше подняло боевой дух матросов и солдат. Однако радость первого успеха была омрачена утратой начальника обороны вице-адмирала Корнилова: 5 октября Корнилов был тяжело ранен на Малаховом кургане и умер на третий день после ранения.

После смерти Корнилова Меншиков возложил обязанности начальника обороны города на вице-адмирала Станюковича. Но душой обороны города стал, конечно, Нахимов, а его вернейшими соратниками и помощниками — Истомин и другие талантливые офицеры флота и армии. Не было ни одного вопроса обороны, который решался бы без участия Нахимова. Все слушались его совета, равнялись по нему, стремились делать все так, как делает Нахимов. Что же касается матросов и солдат, то для них не было более высокого авторитета, чем Нахимов. Одним своим присутствием на бастионах он воодушевлял их на беспримерные подвиги. Все помыслы и действия Нахимова были направлены к тому, чтобы укрепить оборону Севастополя и защитить его от врага.

Нахимов всюду успевал побывать в течение дня: на кораблях, на бастионах, на постройке новых укреплений, в порту, в арсенале. Чаще всего его видели на 4-м бастионе, важнейшем и самом опасном участке обороны города. Бастион, начиная с 5 октября, методически разрушался артиллерийским огнем противника, но так же методически восстанавливался и героически продолжал борьбу с противником.

Благодаря Нахимову 4-й бастион превратился в одно из наиболее мощных укрепленных сооружений, выдерживая любой огонь противника.

Героическая борьба защитников Севастополя вызвала замечательство в рядах противника: союзники не ожидали ни столь упорной стойкости русских, ни столь меткого и мощного огня

русской артиллерии. Активная оборона русских наносила огромный урон флоту, артиллерии и живой силе союзников.

Однако по мере затягивания борьбы защитники Севастополя все более остро стали ощущать недостаток в продовольствии и особенно в артиллерийских припасах. Давало себя знать и большое преимущество союзников в вооружении, в особенности в новых, нарезных ружьях. Севастопольцы своей кровью расплачивались за техническую и военную отсталость России. Но как ни трудно было защитникам Севастополя, они стойко выдерживали все испытания. Слава об их подвигах, об их стойкости, сковавшей основные силы армий и флотов врага, гремела уже не только в России, но и во всем мире. Даже враги вынуждены были признать необычайную стойкость русских солдат и моряков, их храбрость и необыкновенное искусство руководителей обороны.

В отражении штурмов, в ночных и дневных вылазках офицеры и матросы проявляли чудеса героизма.

В страдные дни героической обороны Севастополя, как и в сражении у Синопа под руководством адмирала Нахимова, с особой красотой и яркостью выявились высокие моральные качества русских морских офицеров и матросов. Это были моряки-воины, героически сражавшиеся не только на море, но, когда потребовала обстановка, и на суше, куда они перенесли свои морские порядки и навыки, служа примером отваги, доблести и умения бить врага.

За мужественное и умелое руководство обороной Севастополя Нахимов 11 января 1855 года был представлен к награде.

В ответ на это Нахимов заявил:

«Победим или умрем достойно имени русского».

23 февраля 1855 года князь Меншиков был отстранен от должности главнокомандующего. Вместо него был назначен князь Горчаков, ничем существенно не отличавшийся от своего предшественника. И при новом главнокомандующем севастопольцам рассчитывать приходилось только на свои силы и умение.

Союзники всю зиму готовились к решительному штурму города. Эти приготовления врага не остались незамеченными Нахимовым и его помощниками. Защитники Севастополя в свою очередь готовились к отпору.

2 марта 1855 года был опубликован знаменитый приказ Нахимова по севастопольскому гарнизону.

В этом приказе Нахимов писал, что враг продолжает осаду и увеличивает свои силы, но в результате шестимесячной обороны и строительства укреплений средства обороны Севастополя также укрепились. Нахимов выражал уверенность в том, что никто из защитников не усомнится в своей силе и все будут по-прежнему продолжать борьбу.

Нахимов потребовал от начальников беречь людей: «Я счи-

таю долгом напомнить всем начальникам священную обязанность, на них лежащую, а именно: предварительно озаботиться, чтобы при открытии огня с неприятельских батарей не было ни одного лишнего человека не только в открытых местах и без дела, но даже прислуги у орудий и число людей для неразлучных с боем работ было бы ограничено крайнею необходимостью. Заботливый офицер, пользуясь обстоятельствами, всегда отыщет средства сделать экономно в людях и тем уменьшить число подвергающихся опасности».

Нахимов запрещал вести частую, неприцельную стрельбу, которая приводит только к трате пороха и боеприпасов.

Вторая бомбардировка Севастополя началась 25 марта 1855 года в 5 часов утра. Она была еще более сильной, чем бомбардировка 5 октября 1854 года. Все русские оборонительные рубежи и прилегавшие к порту улицы города были засыпаны ядрами и бомбами. Бомбардировки и в промежутках между ними следовавшие один за другим штурмы длились около 10 дней. Наиболее тяжелые бои снова развернулись на 4-м бастионе и Камчатском люнете. Эти оборонительные рубежи удалось отстоять прежде всего благодаря личной храбрости и распорядительности Нахимова, организовавшего отпор врагу.

Однако несмотря на то, что натиск врага был отражен, положение защитников города с каждым днем становилось все более тяжелым. Силы их истощались. Быстро таяли запасы, чувствовался острый недостаток в порохе и других боеприпасах. Союзники между тем продолжали получать все новые подкрепления. Союзные правительства прилагали всяческие усилия, чтобы закончить, наконец, затянувшуюся войну и овладеть неприступным Севастополем.

Внимательно наблюдавшие за ходом Крымской войны Маркс и Энгельс писали:

«Большую тревогу внушают и в Англии и во Франции (гораздо большую, чем может показаться на поверхностный взгляд) возросшие и все возрастающие трудности войны; упорство Севастополя, не желающего пасть под натиском союзников... расценивается как весьма зловещее обстоятельство»¹.

За отличие при обороне Севастополя Нахимову 26 марта 1855 года было присвоено звание адмирала.

В приказе от 12 апреля 1855 года, изданном Нахимовым по случаю его производства в адмиралы, он писал:

«Матросы! Мне ли говорить вам о ваших подвигах на защиту родного нам Севастополя и флота? Я с юных лет был постоянно свидетелем ваших трудов и готовности умереть по первому приказанию; мы сдружились давно; я горжусь вами с детства. Отстоим Севастополь...»².

Приказ вызвал единодушное одобрение буквально всего личного состава гарнизона и гордость за своего адмирала, бывшего для матросов, солдат и офицеров не только авторитетным руководителем, но и любимым человеком.

25 мая 1855 года в 3 часа дня союзники начали третью по счету бомбардировку города. 26 мая враг усилил бомбардировку, в особенности Селенгинского, Волинского и Камчатского укреплений, которые являлись ключом к укреплениям Малахова кургана. Вместе с тем был открыт огонь и по укреплениям Малахова кургана. Противник решил любой ценой овладеть этими укреплениями, которые открыли бы ему доступ к захвату Малахова кургана, а затем и всего города. Около 6 часов вечера 26 мая противник бросил на штурм указанных укреплений около 40 тысяч солдат, в том числе отборные гвардейские части французов. Однако защитники укреплений не дрогнули. Началось неравное кровавое сражение.

Русские солдаты, руководимые храбрым и талантливым генералом Хрулевым, не на жизнь, а на смерть боролись на Селенгинском и Волинском редутах. Нахимов, несмотря на полученную в разгаре боя контузию, руководил матросами, оборонявшими Камчатский люнет, бои за который приняли небывало кровавый характер. Редуты несколько раз переходили из рук в руки и только тогда были захвачены противником, когда в рядах защитников укреплений почти никого не осталось в живых.

Однако, как ни старался противник развить успех и овладеть укреплениями Малахова кургана, он так и не добился этого. Малахов курган удалось отстоять благодаря невероятному упорству небольших сил, которыми руководили адмирал Нахимов и генерал Хрулев. Малахов курган удалось отстоять еще и потому, что Нахимов предусмотрительно построил мост на бочках, по которому в нужный момент были брошены резервы на Корабельную сторону.

Волей, упорством, умением и беспримерным героизмом Нахимова и руководимых им матросов и солдат были сорваны планы англо-французского командования во что бы то ни стало овладеть Малаховым курганом и затем возможно скорее закончить борьбу за Севастополь, затяжка которой вызывала в Европе все более острое недовольство.

Четвертая всеобщая бомбардировка города с суши и моря началась 5 июня 1855 года. Бомбардировка продолжалась без перерыва до 3 часов утра 6 июня, а затем внезапно начался всеобщий штурм русских укреплений. Однако и на этот раз противник, кроме громадных потерь, ничего не добился. Русские матросы и солдаты под руководством Нахимова и генерала Хрулева огнем и штыковыми контратаками отбили в продолжение дня девять штурмов французов и несколько штурмов англичан.

Морские батальоны, воспитанные Нахимовым, являлись для

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 198.

² «Морской сборник» № 6 за 1855 год.

создаст пример невиданной стойкости и героизма при отражении натиска противника, особенно в штыковых схватках. Моряки пяти кораблей огнем своих орудий громили резервные полки французов и прикрывали от неприятельского флота подступы с моря.

Русские одержали полную победу над превосходящими силами противника. Потери французов и англичан в этот день составили больше 7 тысяч человек, из них убитыми около 2,5 тысячи человек и 4,5 тысячи ранеными.

В момент, когда героические защитники Севастополя напрягали все усилия, отражая натиск во много раз превосходившего по численности и технике врага, 28 июня 1855 года тяжелое известие облетело корабли и укрепления: на 3-м бастионе был смертельно ранен Нахимов. Через 3 дня адмирал скончался.

Так закончил свой боевой путь герой Синопа и Севастополя, славный сын русского народа Павел Степанович Нахимов. Вся Россия скорбела об этой тяжелой утрате. А в израненном, сожженном, но не сдавшемся врагу Севастополе матросы и солдаты над могилой своего горячо любимого адмирала дали клятву сражаться насмерть. Два месяца еще стоял Севастополь, превращенный Нахимовым в неприступную крепость. И только 27 августа 1855 года, после 11 месяцев героической борьбы, оставшиеся в живых солдаты и матросы, взорвав склады и укрепления, по наведенному еще по указанию Нахимова мосту перешли с Южной стороны на Северную и продолжали бои за Севастополь до конца войны.

Восхищаясь мужеством и невиданной стойкостью защитников Севастополя, вдохновляемых Нахимовым и его боевыми соратниками, Маркс и Энгельс писали: «...какое бы событие ни увенчало эти операции, одно можно сказать с достоверностью: осада Севастополя не будет иметь равных себе в военной истории»¹.

Значение героической обороны Севастополя в Крымской войне было огромно. Защитники славной русской крепости под руководством Нахимова приковали к себе основные силы врага и в активной обороне измотали их, сделали неспособными к дальнейшему ведению военных операций. Широкие захватнические планы англо-французских интервентов в отношении России в бассейне Черного моря свелись к борьбе за Крым, а последняя в свою очередь — к безуспешным боям за Севастополь.

Крымская война, показав величие духа русского народа, вместе с тем вскрыла гниль и отсталость самодержавно-крепостнического строя. Поражение царизма в Крымской войне явилось одной из причин, ускоривших переход России на путь капиталистического развития.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 189.

Нахимов был выдающимся флотоводцем, талантливым воспитателем русских моряков. Он любил и растил русский флот, гордился его победами.

Деятельность Нахимова явилась новым, высшим этапом в развитии русского военно-морского искусства. Нахимов явился достойным продолжателем тех передовых традиций, которые были созданы Суворовым и Кутузовым в армии, Ушаковым и Лазаревым во флоте. В Синопском сражении он показал себя блестящим мастером наступательной тактики, в Севастополе — умелым организатором активной обороны.

Нахимов всегда руководствовался правилом: «побеждают не числом, а умением». Потому-то так много внимания и сил уделял он повышению боевой выучки личного состава флота, всемерному развитию личной инициативы у подчиненных. Итоги многолетних трудов Нахимова ярко проявились при защите Севастополя. Немногочисленный гарнизон города сумел в течение 11 месяцев с честью выдержать поединок с огромной англо-франко-турецко-сардинской армией и соединенным союзническим флотом.

Адмирал Нахимов обладал многосторонним талантом. Он оказался не только выдающимся флотоводцем, но и умелым организатором боевых действий на суше. Возглавляя оборону Севастополя, он образцово наладил взаимодействие русской армии и флота. Он проявил себя выдающимся военачальником, организатором и руководителем всей системы обороны.

Нахимов умел далеко вперед определять замыслы противника и в соответствии с этим создавать условия для разрушения их.

Так, например, он еще до открытия военных действий в Крыму указал, что следующим шагом англо-французских захватчиков будет вторжение на Крымский полуостров, и требовал от высшего командования немедленно развернуть работы по укреплению полуострова. Когда же началась Крымская война, Нахимов одним из первых определил, что решающим ее пунктом явится борьба за Севастополь, и все свои силы, весь свой талант он отдал делу укрепления главной морской базы на Черном море. Действительность показала, как глубоко был прав Нахимов в своих предположениях.

Адмирал Нахимов по достоинству оценил все возрастающее значение артиллерии в войне. В Синопском бою он впервые широко применил бомбические орудия, точный и сокрушительный огонь которых в немалой степени содействовал победе над турецким флотом. Когда интервенты начали подступать к Севастополю, Нахимов, беспрестанно любивший флот, не колебался отдать приказ снять орудия со многих кораблей и перевезти эти орудия на сушу, где они, при малочисленности сил гар-

низона, должны были сыграть и сыграли важнейшую роль в отражении вражеских штурмов.

Нахимов большое значение придавал хорошо продуманной системе оборонительных сооружений. Возглавив оборону Севастополя, он лично руководил строительством укреплений, возведением инженерных заграждений, расстановкой артиллерии и т. д. Севастопольская оборона была глубоко эшелонированной. Все это во много раз повысило стойкость защитников города.

Севастопольский гарнизон во главе с Нахимовым сумел нанести огромный урон вражеским армиям, потому что он придерживался тактики активной обороны. Защитники города непрерывно предпринимали смелые, большей частью ночные вылазки против интервентов, расстраивали их планы, уничтожали живую силу и технику. У стен Севастополя нашли свою гибель десятки тысяч захватчиков.

Нахимов высоко ценил роль морального фактора в войне. Вся его система воинского воспитания имела целью подготовить к защите родины храбрых, инициативных воинов, готовых пойти на любое самопожертвование ради выполнения боевого приказа. Будучи передовым человеком своего времени, Нахимов в мрачную эпоху царствования Николая I страстно выступил в защиту человеческого достоинства матросов. «Пора нам, — говорил он, — перестать считать себя помещиками, а матросов крепостными людьми. Матрос есть главный двигатель на военном корабле, а мы — только пружины, которые на него действуют. Матрос управляет парусами, он же наводит орудия на неприятеля. Матрос бросается на abordаж. Если понадобится, все сделает матрос... Вот кого нам нужно возвышать, учить, возбуждать в них смелость, геройство».

Нахимов строго осуждал тех офицеров, которые строили обучение рядового состава флота на основе бездушной муштры и слепого механического исполнения приказа. Во всемерном развитии личной инициативы матросов Нахимов видел одно из самых сильных средств повышения боеспособности отечественного флота. Он воспитывал подчиненных в духе беззаветной любви к России и требовал от них самоотверженного исполнения своего воинского долга. Адмирал Нахимов имел особый дар приохотить офицеров и матросов к морской службе, привить им любовь к своему кораблю; лучшим методом обучения он считал длительные походы в море. В этом отношении он был предшественником С. О. Макарова, который выразил свои взгляды на обучение и воспитание моряков в известной формуле: «В море — дома».

Простота в обращении не мешала Нахимову быть чрезвычайно строгим и требовательным к своим подчиненным, особенно во время плавания. Малейшее упущение или вялость в исполнении поручения взыскивались им со всей строгостью.

Однако, по словам современников, Нахимов никогда не злоупотреблял своей властью. Его требования к матросам были справедливы, и если он наказывал провинившихся, то всегда заслуженно. Само наказание он также рассматривал как одно из важных средств воспитания. Для него в этих случаях было правилом: «Строгость во всем, но с чувством меры и справедливости».

Высокая командирская требовательность сочеталась у Нахимова с заботливым отношением к подчиненным. Потому-то всегда и всюду подчиненные Нахимова были образцом боевой выучки. Они неизменно платили своему по-отечески внимательному к их нуждам командиру горячей привязанностью. «Я, — с гордостью говорил Нахимов, — этой привязанностью дорожу больше, чем отзывами чванлых дворянчиков. У многих командиров служба не клеится на судах потому, что они... презирают матросов, забывая, что у мужика есть ум, душа и сердце так же, как у всякого другого».

Нахимов горячо любил свой народ. Немногие так, как он, умели понимать могучую натуру русского человека. Большой ум, храбрость, хладнокровие, преданность родине — все эти качества русских моряков Нахимов с исключительным умением использовал в своей системе воспитания и боевого обучения подчиненных.

Нахимов сурово осуждал тех офицеров, которые пренебрегали всем национальным, русским и преклонялись перед иностранным.

«Вся беда наша в том заключается, — говорил он, — что некоторые молодые люди получают вредное направление от образования, понимаемого в ложном смысле. Это для нашей службы чистая гибель. Конечно, прекрасно говорить на иностранных языках. Я против этого ни слова не возражаю и сам охотно занимался ими в свое время. Да зачем же прельщаться до такой степени всем чуждым, чтобы своим пренебрегать. Некоторые так увлекаются ложным образованием, что никогда русских журналов не читают и хвастают этим. Я это наверное знаю-с. Понятно, что господа эти до такой степени отвыкают от всего русского, что глубоко презирают сближение со своими соотечественниками, простолюдинами. А вы думаете, что матросы не замечают этого?.. Необходимо поощрение, сочувствие; нужна любовь к своему делу, тогда с нашим ленивым народом можно такие дела делать, что просто чудо».

Нахимов всю свою жизнь занимался самообразованием. Будучи отлично образованным офицером, он упорно совершенствовал свои знания как в области наук, литературы, искусства, так и особенно в военно-морском деле.

Он был в числе первых лазаревских офицеров, образцово поставивших библиотеку на корабле и презративших кают-компанию в своеобразный офицерский клуб, в работе которого

главное внимание уделялось самообразованию и обсуждению новейших вопросов военного и военно-морского дела.

Нахимов никогда не стеснял инициативу офицеров, не допускал опеки над их действиями, выслушивал их советы и предложения, вызывал их на откровенность в докладах и беседах и умело, как искусный дирижер, направлял их дела и мысли к выполнению долга перед родиной.

Кровная связь со своим народом, с матросами и солдатами была для Нахимова источником мужества и непоколебимой уверенности в победе над врагом.

В страдные дни обороны Севастополя он постоянно воодушевлял воинов на славные подвиги, нередко водил их в атаку, заботился о раненых. Он посещал их, ласковым словом или шутливым замечанием облегчал их страдания, покупал для них подарки. Лично он не имел семьи и жил очень скромно, отдавая все свои деньги нуждающимся семьям матросов или на улучшение питания в госпитале.

Все это делалось без малейшего тщеславия и имело единственную цель возвысить общее мужество. Все участники Севастопольской обороны после смерти Нахимова говорили о нем, что это был величайший патриот из патриотов, человек честнейший из честных, храбрейший из храбрых, скромный из скромных людей, душой и сердцем рыцарь, отдавший всего себя, свой ум, свой талант и свою кровь на благо родины.

Советский народ высоко ценит деятельность выдающегося русского флотоводца-патриота, во многих сражениях прославившего имя России.

По инициативе И. В. Сталина учреждены ордена и медали имени Нахимова. Многочисленный отряд офицеров и матросов Советского Военно-Морского Флота удостоился этих высоких наград за свои бессмертные подвиги в боях.

Советские моряки свято берегут и умножают традиции отечественного флота, возвеличению которого адмирал П. С. Нахимов посвятил всю свою жизнь. В дни Великой Отечественной войны против фашистских захватчиков советские моряки с честью выполнили свой долг перед Советской Родиной и тем самым доказали, что они достойны славы своих великих предков.

Редактор — П. А. ГОЛУБ.

А 04872. Подп. к печ. 3/VII 1952 г. Изд. № 235. Тираж — 150 000 экз.

Бумага 60 × 92¹/₁₆ — 1 бум. л. = 2 п. л. Учетно-изд. 2,01 л. Заказ № 1733.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.